Археологические вести

— 31 —

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин (главный редактор), академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов

Издательская группа:

А. В. Гилевич, Т. С. Дорофеева, В. Н. Кузнецова, Е. В. Новгородских, Е. Е. Носова, Т. А. Тарабардина

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — **Вып. 31** / [Гл. ред. В. А. Лапшин]. — СПб., 2021. — 381 с.: ил.

Очередной номер журнала «Археологические вести» посвящен юбилею Наталии Вадимовны Хвощинской. В разделе «Наш юбилей» собраны воспоминания друзей и коллег, библиография работ, а также фотографии разных лет. Часть «Городище и Новгород» содержит статьи, посвященные изучению Рюрикова городища и древнего Новгорода. В следующих разделах представлены работы по археологическим исследованиям древностей Восточной Европы и истории науки. Среди авторов журнала — исследователи из Новгорода, Пскова, Санкт-Петербурга, Москвы, Петрозаводска.

The current issue of the Yearbook “Archaeological News” is dedicated to the jubilee of Natalya Vadimovna Khvoshchinskaya. The section “The hero of the jubilee” unites reminiscences of her friends and colleagues, a bibliography of her published works and photographs of different years. The section “Gorodishche and Novgorod” comprises articles dealing with investigations of Ryurikovo Gorodishche (Rurik’s Hillfort) and ancient Novgorod. The next sections present archaeological studies of antiquities of East Europe and the history of science. Among the authors of the Yearbook there are researchers from Novgorod, Pskov, Saint Petersburg, Moscow and Petrozavodsk.

ISSN 1817-6976

Первая страница обложки — Рюриково городище. Большая круглая фибула IX–X вв. в стиле Борре (раскопки 1998 г.)

First page of cover — Ryurik Gorodishche. Large circular brooch of the 9th–10th century in Borre style (excavations in 1998)

Четвертая страница обложки — Наталия Хвощинская в Новгороде (2019 г.)

Fourth page of cover — Nataliya Khvoshchinskaya in Novgorod (2019)

© Институт истории материальной культуры РАН, 2021

© Коллектив авторов, 2021

© Российская академия наук, продолжающееся издание «Археологические вести», 1992 (год основания), 2021

Средневековые ювелирные изделия Волго-Камья на территории Восточно-Балтийского региона¹

В. Н. Кузнецова, И. В. Стасюк²

Аннотация. В статье рассматриваются ювелирные изделия волго-камского происхождения IX–XIII вв., найденные в археологических памятниках на территории Северо-Запада России, Латвии, Эстонии, Финляндии и Северной Швеции. Выделены группы камских, волжских импортов, изделий, характерных для волго-камского региона в целом, и «синкретичных» изделий древнерусского времени, сочетающих изобразительные традиции и техники разных регионов. Отмечается концентрация подобных находок в Юго-Восточном Приладожье и Новгороде.

Annotation. This paper considers jewellery objects of the Volga-Kama provenience of the 9th–13th century revealed at archaeological sites in the territory of North-Western Russia, Latvia, Estonia, Finland and North Sweden. Groups of Kama and Volga imports are identified for the products characteristic of the Volga-Kama region in general, and for “syncretic” objects of the Old-Russian period combining artistic traditions and techniques of different regions. The article notes the concentration of finds of this kind in the South-East Ladoga region and in Novgorod.

Ключевые слова: ювелирные изделия, средневековые, Волго-Камье, Северо-Запад России, Прибалтика, Фенноскандия, импорт.

Keywords: jewellery, Middle Ages, Volga-Kama region, North-Western Russia, Baltic region, Fennoscandia, importation.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-31-227-251

Украшения из сплавов цветных металлов являются яркой особенностью костюма средневекового населения лесной зоны Восточной Европы и, как правило, обладают региональной спецификой. В историографической традиции разнообразные подвески, игольники, копоушки и др. часто рассматриваются в качестве «этнических маркеров». Однако материалы погребальных памятников показывают, что украшение, поступившее порой из весьма удаленного региона и относящееся к другой культуре, включается в состав

убора, соседствует с местными разновидностями украшений.

В землях Восточной Балтии встречаются украшения, характерные для территории Волго-Уральского региона. На подобных находках зачастую делался акцент в публикации отдельных памятников. Попытка представить свод основных археологических находок с территории Волго-Камья на Северо-Западе Руси предпринималась в статье В. Н. Кузнецовой и Н. В. Григорьевой (Кузнецова, Григорьева, 2017. С. 60–66). В настоящей работе не только увеличивается количество учтенных импортных изделий, но и расширяются географические рамки — рассматриваются украшения и детали костюма, встреченные в археологических памятниках Северо-Запада России, Эстонии, Латвии, а также Фенноскандии.

Хрестоматийные и наиболее ранние примеры контактов между Балтийским и Уральским регионами — находки неволинской поясной гарнитуры конца VII — VIII в. из Старой Ладogi и

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-09-40111 «Социокультурные трансформации в Восточной Европе и формирование Руси: новые материалы, интерпретации, обобщения»).

² Кузнецова В. Н. — Научный архив, ИИМК РАН; Дворцовая наб., д. 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; Стасюк И. В. — Отдел охранный археологии, ИИМК РАН.

из Вяхякюрё в Остроботнии (*Goldina, Goldina*, 2018; *Kivikoski*, 1973. S. 83).

Маркером контактов с Прикамьем X–XI вв. преимущественно является зооморфная пластика (*Кузнецова*, 2018б). Так, в Старой Ладоге на берегу Волхова, «в том месте, где находится Земляное городище и его культурные слои оползают и размываются водой» (*Кирпичников, Сакса*, 2002. С. 137), крестьянами была обнаружена бляха, изображающая хищную птицу (рис. 1, 1). В дальнейшем В. И. Равдоникас подарил изделие А. М. Тальгрёну, который в свою очередь передал находку в Национальный музей Финляндии (*Там же*). Говорить о точной датировке как данного изделия, так и в целом многих произведений пермского звериного стиля довольно сложно. Среди наиболее близких аналогий староладожской бляхе можно отметить находки из Усть-Сысольского уезда (*Спицын*, 1906. Рис. 436) из дер. Большие Долды Чердынского уезда (*Кулябина*, 2013. Кат. 132; *Спицын*, 1906. Рис. 298).

На поселении Илекса V в Карелии, датированном С. И. Кочкуркиной X–XI вв. по фрагментам лепной керамики, найдена полая «уточка» (рис. 1, 2) (*Кочкуркина*, 2017. С. 93, рис. 66, 1)³. Орнамент в виде углубленных насечек на корпусе, длинный нос, форма звеньев свидетельствуют о том, что изделие относится к прикамской традиции. Ближайшие аналогии изображению происходят из коллекции А. Е. и Ф. А. Теплоуховых (*Спицын*, 1902. Табл. VI, 5), могильников Висимского, Плесинского (*Голдина*, 1985. С. 231. Табл. XXIII, 12), Урьянского (*Голдина*, 1970. Табл. 51, 17) и в целом датируются IX в. Аналогичное изделие было найдено на Верхней Волге в постройке XIII Поповского городища на р. Унжа (*Леонтьев*, 1989. С. 82, рис. 19, 1). В коллекции находок этого памятника также имеются две неорнаментированные прикамские подвески-«уточки» (*Там же*. С. 82, рис. 16, 1–2).

К числу наиболее выразительных уральских импортов X–XI вв. относятся биконьковые подвески и подвески-«всадники» (рис. 1, 3–14). Двуглавые коньковые украшения были встречены в погребальных памятниках Юго-Восточного

Приладожья. Одна из биконьковых подвесок была найдена в женском трупосожжении в могильнике Подъелье (первое погребение кургана СIII по сквозной нумерации Н. Е. Бранденбурга, рис. 1, 4). Сам курган Л. А. Голубева датировала концом X в. «по сопровождающим вещам — скорлупообразным фибулам типа Паульсен 51b и коньковой подвеске из Верхнего Прикамья» (*Голубева*, 1979. С. 50). Здесь также встречались гривна глазовского типа и ряд других изделий. С. И. Кочкуркина датировала комплекс X в. (*Кочкуркина*, 1989. С. 171). Два изделия разных типов зафиксированы в кургане № 6 (комплекс VIII) могильника Заозерье начала XI в. (рис. 1, 3, 5). Они были прикреплены на цепочках к скорлупообразным фибулам (*Там же*. С. 196). Еще одно изделие происходит из Северной Швеции — из жертвенника Гротраск (рис. 1, 7) (*Serning*, 1956. Pl. 40, 6). Фрагмент биконьковой подвески (рис. 1, 6) также был обнаружен на Земляном городище Старой Ладogi в нижних напластованиях первой четверти или 20–30-х гг. X в. (*Кузнецова, Григорьева*, 2017. С. 60, 70, рис. 1, 1).

Подвески в форме всадника, попирающего змея, более многочисленны на Северо-Западе, чем биконьковые. Изделия входили в состав погребального инвентаря ряда памятников на территории Карелии (могильники Чёлмужи, Кокорино, Видлица), Юго-Восточного Приладожья (могильники Карлуха, Сязнега, Исаково и Усадище), в верховьях Оредежа (Вырица) (*Рябинин*, 1981. С. 20–21, кат. 224–235) (рис. 1, 8–14).

В Прикамье подвески-«всадники» происходят из дореволуционных сборов, поселений, а также мужских погребений Баяновского могильника (*Белавин, Крыласова*, 2010. С. 86). На землях Балтийского региона импортные находки меняют свое назначение. Так, в могильнике Чёлмужи четыре «всадника» (рис. 1, 11–14) находились в кургане 2 начала XI в., на тазовых костях погребенной (*Кочкуркина*, 2013. С. 126). Подвеска-всадник из кургана 6 могильника Карлуха (рис. 1, 9) и вовсе претерпела существенные трансформации — была дополнена иглой и превращена в фибулу (*Равдоникас*, 1934. Табл. IX, 3; *Рябинин*, 1981. Табл. X, 1). В этом комплексе прикамское украшение сочеталось с характерными местными изделиями — прорезными пластинчатыми подвесками-«уточками» (*Равдоникас*, 1934. С. 30).

Возвращаясь к могильнику Чёлмужи, отметим, что в кургане 5, во втором (женском) погребении

³ Авторы выражают благодарность канд. ист. наук, науч. сотруднику сектора археологии Института языка, литературы и истории Карельского НЦ РАН И. М. Сумманен за предоставленные фотографии и информацию о находке.

Рис. 1. Камские импорты в археологических памятниках Восточной Балтии и сопредельных регионов: 1 — Старая Ладога (Tallgren, 1931. Fig. 4), без масштаба; 2 — Илекса (Археологический музей ИЯЛИ КарНЦ РАН 1060/2113); 3, 5 — Заозерье (ГЭ 700/86, 700/87); 4 — Подъелье (Бранденбург, 1895. Табл. III, 6); 6 — Старая Ладога (Кузнецова, Григорьева, 2017. Рис. 1, 1); 7 — Гротраск (Serning, 1956. Pl. 40, 6); 8 — Видлица (Равдоникас, 1934. Табл. V, 10); 9 — Карлуха (Рябинин, 1981. Табл. X, 1); 10 — Сязнега (Бранденбург, 1895. Табл. III, 2); 11–15 — Чёлмужи (ГЭ 1553/35–38, 1553/130); 16 — Алёховщина (ГЭ 700/303); 17 — Шангеничи-село (Кочкуркина, Линеvский, 1985. Рис. 29, 4); 18 — Рыбежна (Бранденбург, 1895. Табл. III, 13)

Fig. 1. Kama imports at archaeological sites of the East Baltics and contiguous regions: 1 — Staraya Ladoga (Tallgren, 1931. Fig. 4), without scale; 2 — Ilekxa (Археол. музей ИЯЛИ КарНЦ РАН 1060/2113); 3, 5 — Zaozerye (ГЭ 700/86, 700/87); 4 — Podyelye (Бранденбург, 1895. Табл. III, 6); 6 — Staraya Ladoga (Кузнецова, Григорьева, 2017. Рис. 1, 1); 7 — Grotrask (Serning, 1956. Pl. 40, 6); 8 — Vidlitsa (Равдоникас, 1934. Табл. V, 10); 9 — Karlukha (Рябинин, 1981. Табл. X, 1); 10 — Syaznega (Бранденбург, 1895. Табл. III, 2); 11–15 — Chyolmuzhi (ГЭ 1553/35–38, 1553/130); 16 — Alyokhovshchina (ГЭ 700/303); 17 — Shangenichi-selo (Кочкуркина, Линеvский, 1985. Рис. 29, 4); 18 — Rybezha (Бранденбург, 1895. Табл. III, 13)

XI в.⁴ (Кочкуркина, 2013. С. 127) в составе сложного поясного украшения находился фрагмент трапециевидной подвески в форме лапы (рис. 1, 15) (Гроздилов, 1941. Табл. IV, 8). При неоднократной публикации изделие фигурировало как фрагмент ажурной пластины или подвески, но, в отличие от подвесок-«всадников» не рассматривалось как импорт. Трапециевидные ажурные подвески-«лапы» встречаются в памятниках Пермского Предуралья уже конца VII — VIII в. Они были встречены в женских погребениях Редикарского, Деменковского, Аверинского могильников и, согласно исследованию Н. Б. Крыласовой, входили в состав наконечников украшений (II тип) (Крыласова, 2001. С. 74). Разнообразные лапчатые подвески найдены в вымских могильниках XII в. (Савельева, 1987. С. 103, рис. 31, 31–40; 37, 74), а также в материалах Нижнего Приобья, имеющих весьма широкую дату (Савельева, 1987. С. 111; Чернецов, 1957. Табл. XXVIII, 12–18, 22–27; XLIV, 1–6, 19–21). Корпус чёлмужской лапы оформлен косичкой, что является характерной особенностью стилистики прикамских ювелирных изделий XI–XIII вв.

Примечательная находка происходит из кургана 1 у дер. Алеховщина конца XI в. на р. Оять. Изделие представляет собой костылек с петлями на концах, в центре которого размещена фигура зайца (рис. 1, 16) (Кочкуркина, Линецкий, 1985. С. 117; Рябинин, 1981. Табл. XIII, 7). В своде, посвященном зооморфным украшениям, Е. А. Рябинин весьма осторожно — в затекстовой ссылке — в качестве аналогии для «зайца» из Алеховщины приводил находку с территории бассейна Нижней Оби (Рябинин, 1981. С. 31). Заключение исследователя представляется совершенно верным — украшение, несомненно, тяготеет к урало-сибирским изобразительным традициям. Дугообразный корпус с подчеркивающим этот изгиб жемчужным орнаментом отличает разнообразные зооморфные изделия как Прикамья, так и Зауралья. Особого внимания заслуживает размещение фигурки на костыльке с двумя петлями по краям. При дореволюционных сборах в пос. Калино Чусовского района было найдено зооморфное изображение, также расположенное на костыльке. В. А. Оборин и Г. Н. Чагин обозначили

изделие как подвеску в виде пушного зверька VII–VIII вв. (Оборин, Чагин, 1988. С. 170, кат. 111). Н. В. Кулябина датировала изделие этим же периодом, а в качестве аналогий также привлекала находки из Приладожья и Приобья (Кулябина, 2013. С. 206). В дер. Старица обнаружено изображение X–XII вв., предположительно медведя, помещенное не вдоль, а поперек стержня. В качестве аналогии последнему Н. В. Кулябина приводила изделие из Кичилькосьского I могильника (Кулябина, 2013. С. 199, кат. 96; Савельева, 1987. С. 96, рис. 30, 14). Находка встречена в погребении № 187 в северной части могильника, исследованной раскопом № 10 (Савельева, 2019. С. 144). Захоронения на этом участке содержали предметы XI–XIII вв. Э. А. Савельева, «основываясь на дате овального укороченного кресала из погр. 185» (Там же. С. 69), предположила, что «погребения раскопа № 10 были совершены в XIII в.» (Там же).

В кургане 3 могильника Шангеничи-село, относящегося к XI — началу XII в. (Кочкуркина, 2013. С. 86), была зафиксирована якорьковая подвеска с двумя лапчатыми привесками (рис. 1, 17) типа II.2.2 по Н. Б. Крыласовой (Кочкуркина, Линецкий, 1985. Рис. 29, 4; Крыласова, 2007. С. 222–223). Привески-«лапки» аналогичной формы дополняют треугольную подвеску (рис. 1, 18) из кургана Рыбежно-17 XI в. (Бранденбург, 1895. Табл. III, 13; Кочкуркина, 2013. С. 40) и уже упоминавшиеся биконьковые украшения.

Стоит отметить, что контакты с Прикамьем также прослеживаются по другим категориям находок, подробное рассмотрение которых не входит в задачи данной статьи. К таковым относятся биметаллические кресала (Голубева, 1964; Голубева, Варенов, 1993), а также изделия из кости — гребни, копоушки, фрагменты ложки (Кузнецова и др., 2019).

Среди наиболее ранних находок, маркирующих контакты с волжско-финским миром, — фрагмент привески в форме трапециевидной «лапки» на костыльке из двух волют (рис. 2, 1) из раскопа 5 на Земляном городище Старой Ладogi⁵ (Кузнецова, Григорьева, 2017. С. 61). Волутообразные элементы весьма характерны для украшений, считающихся отличительной особенностью культуры средневековых поволжских финнов. Такая форма звеньев дополняет бутылковидные пронизки, треугольные подвески, ажурные зооморфные

⁴ Номер в ГК 16385300. Инв. Номер ГЭ 1553-130. КПГЭ.1948-24/130 [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=16518257> (дата обращения 31.01.2021).

⁵ САЭ-2012 № 1489.

подвески с квадратным щитком (*Там же*. С. 61, 71, рис. 2, 1–6). Последние Л. А. Голубева датировала в рамках IX в. (*Голубева*, 1979. С. 48–49).

На Северо-Западе Руси известны и собственно зооморфные украшения, характерные для средневекового населения Поволжья. Из ранних коллекций Новгородского государственного объединенного музея-заповедника происходит фрагмент конька мерянского типа (рис. 2, 2)⁶. К сожалению, контекст находки неизвестен. Однако, исходя из специфики музейного собрания, мы можем предполагать, что изделие было найдено на территории Новгородской земли (вероятно, Новгорода и ближайшей округи). Предмет представляет собой заднюю часть зооморфной подвески. Изделие составлено из двух рядов «косичек», чередующихся с гладкими жгутами; в верхней части — шарики ложной зерни. Фрагмент подвески в наибольшей степени схож с украшениями из Владимирских курганов (*Рябинин*, 1981. Табл. XIV, 14; XVI, 1), курганного могильника Посады в Тверском Поволжье (*Степанова*, 2011. Рис. 2, 9).

В классификации Е. А. Рябина подвески-«коньки» «мерянского» или «владимирского» типа обозначены как тип XVII (*Рябинин*, 1981. С. 32–35). Исследователь определил время наибольшего распространения изделий второй половиной X — первой половиной XI в. Подвески-«коньки» характерны для Волго-Окского междуречья, впрочем, определенное количество находок было выявлено раскопками Н. А. Макарова на территории Белозерья. Как правило, изделия рассматриваются в качестве маркеров контактов с Поволжьем и влияния мерянской культуры (*Макаров*, 2009. С. 92–94).

Вероятно, именно фрагмент «конька» происходит также из раскопок Н. И. Петрова в дер. Стёпаново Хвойнинского района Новгородской области (рис. 2, 3)⁷. Впрочем, находка могла быть и другой формой волжско-финского украшения, например, подвески в форме лунницы, подобной находке из Максимова могильника (*Спицын*, 1901. Табл. XXVII, 2).

⁶ Номер в ГК 5053315. НГМ КП 7128 [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=5134570> (дата обращения 15.01.2021).

⁷ Номер в ГК 11653813. НГМ КП 48102/66 А-258/66. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=11771335> (дата обращения 15.01.2021).

С территории Финляндии из Луккаринмяки (муниципалитет Ускела) происходит фрагмент украшения (рис. 2, 4), оформленный плетеными жгутами (в форме косички), с одной стороны находится петля для подвешивания, на противоположной стороне сохранились две петли для привесок (*Tomanterä*, 1991. S. 38, abb. 3). Такое расположение петель позволяет выдвинуть два предположения об изначальном облике украшения. С одной стороны, находку можно рассматривать в качестве фрагмента фибулы, впрочем, нам не известны изделия, где петли для привесок находились бы на одном уровне с петлей для иглы. С другой стороны, более вероятной представляется интерпретация находки в качестве фрагмента уже рассмотренных нами коньков «мерянского» или «владимирского» типа. Аналогичной плетенкой-косичкой оформлен корпус зооморфных украшений из владимирских курганов (*Голубева*, 1979. Табл. 14, 6, 8, 12; *Рябинин*, 1981. Табл. XVII, 2, 6), Починковского (*Голубева*, 1979. Табл. 14, 11) и Подболотьевского могильников (*Зеленцова*, *Милованов*, 2015. С. 128, рис. 5, 5; *Рябинин*, 1981. Табл. XVII, 7, 8) и др.

Из уже упоминавшегося могильника Подъелье в Юго-Восточном Приладжье происходит ажурная «коньковая» подвеска с прямоугольным щитком (рис. 2, 5) (*Бранденбург*, 1895. С. 124, табл. I, 5). Она была выделена Л. А. Голубевой в вариант 6 «наборных коньковых подвесок с прямоугольным щитком» (*Голубева*, 1979. С. 50). Стоит отметить, что практически все ажурные украшения волжских финнов имеют оригинальное декоративное решение, идентичные изделия являются большой редкостью. Найдка из Подъелья наиболее схожа с украшениями из Крюково-Кужновского и Лядинского могильников, датированных Л. А. Голубевой X–XI вв. (*Голубева*, 1979. С. 50, табл. 21, 6, 8; *Ястребов*, 1893. Табл. I, 1, 3).

К древностям волжско-финского облика относятся круглые застёжки (рис. 2, 6–10). Ажурные изделия происходят из памятников Финляндии — Бробака-Карья (рис. 2, 6) и Лукаринмяки-Ускела (рис. 2, 8) (*Tomanterä*, 1991. Abb. 1–2). Изделия имеют одинаковый рисунок корпуса, представляющий собой волнистую линию между двумя косичками, однако у второго имеются петли для шумящих привесок по нижнему краю. Такая форма украшения, зачастую дополненная крайне схематичными конскими головами или столбиками с волютами, встречается в памятниках мордвы,

Рис. 2. Волжские импорты в археологических памятниках Восточной Балтии и сопредельных регионов: 1, 15 — Старая Ладога (Кузнецова, Григорьева, 2017. Рис. 2, 1, 7); 2 — Новгород (?) (НГМ КП 7128); 3 — Стёпаново (НГМ КП 48102/66 А-258/66); 4, 8 — Луккаринмяки-Ускела (*Tomanterä*, 1991. Abb. 3, 2); 5 — Подъелье (Бранденбург, 1895. Табл. I, 5); 6 — Бробака-Карья (*Tomanterä*, 1991. Abb. 1); 7 — Палттила-Лайтила (*Ibid.* Abb. 4); 9 — Новгород (НГМ КП 47734/129 А 245/129); 10 — Унна Сайва (*Serning*, 1956. Pl. 17, 1); 11 — Воскресенский ручей (Бранденбург, 1895. Табл. I, 7); 12 — Хелюля (Хернемяки) (*Кочкуркина*, 1981. Табл. 3, 12); 13, 14 — Шуя (*Спирidonov*, 2013. Рис. 5, 1–2); 16, 19 — Рюриково городище (*Носов и др.*, 2019. Ил. 13, 5, 27); 17 — Карлуха (*Равдоникас*, 1934. Табл. IX, 4); 18 — Которск (*Соболев*, 2020. Рис. 1, 10). 5–7, 8, 10, 11 — масштаб различный

мари, муромы конца IX — XI в. Довольно близкая аналогия происходит из погребения 9 Чулковского могильника, который В. В. Гришаков считал относящимся к культуре муромы и датировал второй половиной VIII — X в. (Гришаков, 1988. С. 78, 81, табл. XI, 16). Среди схожих по оформлению с находками из Финляндии можно отметить изделия из Крюковско-Кужновского (Иванов, 1952. Табл. V, 3), Пановского (Алихова, 1969. Табл. 17, 7), Подболотьевского (Голубева, 1979. Табл. 23, 1) могильников. Примечательно, что на застежке из Бробака-Карья игла крепится не к петле, а непосредственно к корпусу изделия (к месту отсутствующего элемента волнистого орнаментального жгутика). Аналогичный вариант крепления представлен на изделии из Максимовского могильника (Спицын, 1901. Табл. XXIV, 6).

Фрагменты кольцевидных фибул из Палттила-Лайтила в Финляндии (рис. 2, 7) (Tomanterä, 1991. S. 38. Abb. 4.), жертвенника Унна Сайва в Шведской Лапландии (рис. 2, 10) (Serning, 1956. Pl. 17, 1) и Борисоглебского раскопа Великого Новгорода (рис. 2, 9)⁸ (Степанов и др., 2009. С. 74, 78, рис. 7, 1), судя по всему, иллюстрируют более позднюю стадию развития этой категории украшений. Они не имеют ажурного декора, их корпус составляют плотно прилегающие друг к другу жгуты, но тем не менее, вероятно, они принадлежат к поволжской традиции. Данные находки также схожи с изделиями, распространенными в Ветлужско-Камском регионе во второй половине XI — XIII в. (Спицын, 1902. Табл. XVI, 6; XXXIII, 17; Белавин, 2000. Рис. 76, 1, 2, 4, 5, 7; Никитина, 2014. Рис. 68, 12; Вострокнутов, 2020. Рис. 69–72). Одна из аналогий происходит из погребения 26 Веселовского могильника, датированного Т. Б. Никитиной второй половиной XI в. (Никитина, 2014. С. 64).

⁸ НГМ КП 47734/129 А-245/129 [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://novgorod-iss.kamiscloud.ru/entity/OBJECT/275281?query=%D1%84%D0%B8%D0%B1%D1%83%D0%BB%D0%B0&fund=11&index=43> (дата обращения 31.01.2021).

На фрагменте украшения из Палттила-Лайтила сохранилась петля для иглы, изделие оформлено «косичкой». По изгибу корпуса можно заключить, что изделие имело овальную форму. Полагая, что в качестве ближайшей аналогии можно рассматривать фибулу из погребения 124 Лядинского могильника (Ястребов, 1893. Табл. I, 11). И. Р. Ахмедовым находка была отнесена к X в. (Ахмедов, 2016. Кат. 370). Схожее изделие было также встречено в погребении 388 Крюковско-Кужновского могильника (Иванов, 1952. Табл. II, 8). Данное погребение было отнесено В. И. Вихляевым, А. А. Беговаткиным, О. В. Зеленцовой, В. Н. Шитовым к II стадии — X–XI вв. (Вихляев и др., 2008. С. 146–147).

Характерными для средневекового Поволжья украшениями являются пронизки в форме рубчатых полутрубочек с привесками, последние часто имеют форму лап с перепонками (рис. 2, 11–18). Такие находки немногочисленны на территории Балтии, однако они представлены разнообразными вариантами. Изделия, происходящие из кургана (LXXXI по нумерации Бранденбурга) на правом берегу р. Паша у Воскресенского ручья X — начала XI в. (рис. 2, 11) (Бранденбург, 1895. С. 118, табл. I, 7; Кочкуркина, 1989, С. 155), могильников Хелюля (Хернемяки) X в. (рис. 2, 12) (Кочкуркина, 1981. С. 20, табл. 3, 12) и Шуя (рис. 2, 13) (Спиридонов, 2013. Рис. 5, 1), украшены по верху волнистыми жгутами⁹. Аналогичное оформление имеют многочисленные ажурные украшения Поволжья: подвески с трапециевидными и прямоугольными щитками, круглые застежки, схематичные зооморфные изделия. В Которском погосте (рис. 2, 18) и могильнике Карлуха в Приладжье (рис. 2, 17) были встречены рубчатые пронизки, дополненные рядами шариков по верхнему краю (Соболев, 2020. Рис. 1, 1; Равдоникас, 1934. Табл. IX, 4).

⁹ Из раскопок могильника происходят две пронизки, второе изделие, судя по рисунку из публикации А. М. Спиридонова, существенно повреждено (Спиридонов, 2013. Рис. 5, 2) (рис. 2, 13–14).

Fig. 2. Volga imports at archaeological sites of the East Baltics and contiguous regions: 1, 15 — Staraya Ladoga (Кузнецова, Григорьева, 2017. Рис. 2, 1, 7); 2 — Novgorod (?) (НГМ КП 7128); 3 — Styopanova (НГМ КП 48102/66 А-258/66); 4, 8 — Lukkarinmäki-Uskela (Tomanterä, 1991. Abb. 3, 2); 5 — Podyelye (Бранденбург, 1895. Табл. I, 5); 6 — Brobaka-Karjā (Tomanterä, 1991. Abb. 1); 7 — Palttila-Laitila (Ibid. Abb. 4); 9 — Novgorod (НГМ КП 47734/129 А-245/129); 10 — Unna Saiva (Serning, 1956. Pl. 17, 1); 11 — Voskresensky Ruchey (Бранденбург, 1895. Табл. I, 7); 12 — Khelyulya (Helylä Hernemäki) (Кочкуркина, 1981. Табл. 3, 12); 13, 14 — Shuya (Спиридонов, 2013. Рис. 5, 1–2); 16, 19 — Rurik Gorodishche (Носов и др., 2019. Ил. 13, 5, 27); 17 — Karlukha (Равдоникас, 1934. Табл. IX, 4); 18 — Kotorisk (Соболев, 2020. Рис. 1, 10). 5–7, 8, 10, 11 — scales differ

Изделие из Карлухи находилось в завернутом в бересту комплексе вещей, который относился к трупосожжению 1 кургана 6 (*Кочкуркина, Линевский*, 1985. С. 21). Отсюда же происходит упоминавшаяся ранее прикамская подвеска-«всадник», превращенная в фибулу (*Кочкуркина*, 1973. С. 39–40). Одна из ближайших аналогий пронизке из Карлухи обнаружена на городище Попово (Финно-угры и балты..., 1987. Табл. XXX, 19). Схожие изделия известны в мордовских и муромских могильниках: Пановском (*Алихова*, 1969. Табл. 4, 3; 14, 11), Лядинском (*Ястребов*, 1893. Табл. 4, 8), Максимовском (*Спицын*, 1901. Табл. XXVII, 4) и др.

На Земляном городище Старой Ладogi также найден фрагмент трубчатой пронизки с лапчатой привеской (рис. 2, 15)¹⁰. Находка происходит из нижней части гумусированного слоя, который соотносится с горизонтами Г нижнее (XII в.) — Д верхнее (X–XI вв.) (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1982. Д. 37. Л. 10–11; *Кузнецова, Григорьева*, 2017. С. 61. Рис. 2, 7).

Трубочка с тремя рельефными поясками на корпусе и тремя шумящими привесками в форме «лапок» (рис. 2, 16) встречена на Рюриковом городище (*Носов и др.*, 2017. Ил. 13, 5). Такая форма весьма распространена в памятниках, которые связываются со средневековой мерей, мордвой, муромой. К примеру, аналогии происходят из погребения 14 могильника Сарского городища (*Леонтьев*, 1996. Рис. 37, 5), мордовских могильников: Лядинского (*Воронина*, 2007. Рис. 36, 5; 44, 3, 4), Ново-Томниковского (*Ахмедов*, 2016. Кат. 372), Пановского (*Алихова*, 1969. Табл. 3, 11; 12, 2; 15, 2), Елизавет-Михайловского (*Алихова*, 1969. Табл. 33, 7; 39, 1; 45, 9), муромского Кочкинского могильника (Финно-угры и балты..., 1987. Табл. XXXIV, 6).

На Рюриковом городище также был обнаружен фрагмент изделия, который трудно связать с определенным украшением (рис. 2, 19), но очевидно его сходство с материалами Поволжья (*Носов и др.*, 2017. Ил. 13, 27).

С XI в. наблюдается некоторое сближение стилистических традиций Поволжья и Прикамья. А. М. Белавин связывал появление предуральских украшений XII–XIII вв., орнаментированных косоплеткой или ее имитацией, не только с распространением в регионе волжско-финских

украшений в IX–XI вв., но и с миграцией финского населения в Прикамье (*Белавин*, 2002. С. 173). Ряд изделий можно в равной степени соотносить и с тем, и с другим регионом. Кроме того, контакты с Древней Русью и вовсе приводят к появлению синкретичных изделий.

Тем не менее некоторые категории находок сохраняют ярко выраженную региональную специфику. К таковым относятся полые зооморфные подвески с привесками, размещенными поперек корпуса на переднем крае, характерные для Приуралья XI–XIII вв. Украшения отличаются от местных северо-западных изделий, для них также характерно наличие щитковых звеньев и привесок бубенчиков, массивный декор в виде жгутовых поясков. Подобные изделия были найдены в Новгороде (рис. 3, 1–2) (*Янин и др.*, 2006. Рис. 2, 1; *Покровская*, 2009. Рис. 3, 2), в кургане у дер. Дубровно (рис. 3, 3)¹¹ (*Рябинин*, 1981. Кат. 554, табл. XIX, 3; *Минасян, Матехина*, 2018. Ил. 45).

В целом, для родановской, чепецкой и вымской культур в XI–XIII вв. характерны украшения с массивными привесками на щитковых звеньях, обильным декором из ложной зерни, жгутовых поясков, косоплеток и пр. (рис. 3, 4–8). К данной традиции относятся арочные подвески (*Кузнецова, Григорьева*, 2017. С. 62–63), обнаруженные в курганах XI–XII вв. в Саньково (рис. 3, 5) и Кирилино (рис. 3, 6) на р. Паша в Юго-Восточном Приладожье (*Бранденбург*, 1895. С. 121, табл. III, 3; С. 126, табл. VII, 8), Заполье в Верхнем Полужье (рис. 3, 8) (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1928. Д. 122. Л. 26) и собственно в Новгороде — в слое середины XII в. (рис. 3, 7) (*Покровская*, 2018; *Янин и др.*, 2013. Рис. 3, 2).

Интересная арочная подвеска происходит из Чупы (рис. 3, 9) (Карелия, Лоухский район). С. И. Кочкуркина отмечала, что аналоги этой случайной подвеске неизвестны, и сопоставляла с древностями поволжских финнов (*Кочкуркина*, 2017. С. 94). Вероятно, в оформлении этого украшения проявилось объединение изобразительных традиций Волги и Камы. Выпуклые жгуты с насечками характерны для прикамских арочных подвесок, ажурный щиток — в большей степени для поволжских изделий, а волюты и горки из шариков ложной зерни — для обоих регионов.

Из могильника Ялгино в Тихвинском районе происходит шумящая пронизка, верхняя часть

¹⁰ СЛМЗ КП 94.161 А-2/15.

¹¹ ГЭ 864/18.

которой имеет шарообразную форму, а нижняя — коническую (рис. 3, 4). К сожалению, курган 4, из которого происходит изделие, был поврежден грабительским ходом (Богуславский, 1994. Л. 2). Аналоги украшению известны в Пермском Предуралье (коллекция А. Е. и Ф. А. Теплоуховых) (Спицын, 1901. Табл. X, 7; Белавин, Крыласова, 2008. Рис. 203, 58, 59), бассейне р. Чепца (Качкашурский и Кузьминский могильники, городище Иднакар) (Иванов, 1998. Рис. 55, 10, 13–15; Иванова, 1992. Рис. 13, 39–41). М. Г. Иванова отмечала, что шумящие подвески с конусовидной основой характерны для погребальных чепецких памятников XI–XII вв. (Иванова, 1992. С. 34). А. М. Белавин и Н. Б. Крыласова, основываясь на форме звеньев, указывали, что в Предуралье такие украшения возникают не ранее XI в. (Белавин, Крыласова, 2008. С. 441).

Еще одна важная разновидность украшений, которая характеризует предуральские импорты — пронизки со «вздутиями» (рис. 3, 10–15). Е. А. Рябинин указывал на широкое распространение подобных изделий — «от Приладожья до области расселения пермских племен» (Рябинин, 1997. С. 131). Следует отметить, что форма пронизки — цилиндр с расширениями, или «вздутиями», — также характерна для Северо-Запада Руси. Подобные изделия часто связывают с культурой корелы, однако стилистические особенности — орнамент на корпусе, пропорции, форма привесок — всегда указывают на регион происхождения. Украшения Волго-Камья отличают ряды насечек между «вздутиями», рельефные пояски, привески на щитковых звеньях. На территории Балтии известны импортные находки, относящиеся к различным хронологическим периодам.

Из кургана на левом берегу р. Паша у урочища Царевщина происходит пронизка с тремя утолщениями X–XI вв. (рис. 3, 10) (Бранденбург, 1895. С. 126, табл. III, 18; Кочкуркина, 1989. С. 172). Аналогичные изделия были распространены в Прикамье и известны в Урьинском, Агафоновском, Висимском могильниках (Голдина, 1985. Табл. XXIV, 54) и др. Более поздние разновидности пронизок со «вздутиями» известны на селище Бор IV XI–XIII вв. в среднем течении р. Волма (рис. 3, 13) (Фролов, 1999. Рис. 4), городища Терву-Линнасаари (рис. 3, 15) (Кочкуркина, 2010. Табл. 38, 13) и слоев Новгорода XIII в. и XIV в. (рис. 3, 11–12) (Седова, 1981. С. 35, рис. 7, 5; Покровская, 2004. Рис. 1, б), а также жертвенника

Гротраск в Северной Швеции (рис. 3, 14) (Serning, 1956. Pl. 40, 7). Такие украшения часто встречаются в памятниках Прикамья (Спицын, 1902. Табл. X, 1, 23), Повымья (Савельева, 1987. Рис. 29, 79, 80, 82, 84, 88).

Для ряда украшений Волго-Камья основообразующим элементом являются волюты (рис. 4; 5). Подобные изделия получили названия умбоновидных, многоспиральных, очковидных (если основу изделия составляют два завитка).

Подвески, состоящие из одной крупной волюты с гладкими краями, были найдены в Новгороде (рис. 4, 1)¹² на уровне яруса 23 (середина XI в.) и в могильнике эпохи крестовых походов Маску Хуммиккала (погребение 37) на территории Финляндии (рис. 4, 3) (Kivikoski, 1973. № 113). Аналогичные изделия происходят из Лядинского (Ястребов, 1893. Табл. III, 27) и Максимовского могильников (Спицын, 1901. Табл. XXVIII, 3).

Единичные волюты различных размеров являются также основой разнообразных накладок. С обратной стороны у них находится небольшая дужка для крепления (пришивания?). Подобные импортные украшения были встречены в Приладожье. Спиральная накладка с тремя привесками-«лапками» происходит из кургана 6 могильника Колодечник, или Карлуха, по В. И. Равдоникасу, X — начала XI в. (рис. 4, 2) (Линевский, 1947. Л. 19, табл. XXII; Кочкуркина, Линевский, 1985. С. 28–29), изделие с восьмью «лапками» (рис. 4, 4) — из кургана 6 могильника Яровщина начала XI в. (Кочкуркина, 1973. С. 38; 1989. С. 103). Украшения имеют многочисленные аналогии в материалах Волго-Камья (Спицын, 1901. Табл. XXIV, 3; Табл. XXIX, 3; Гришаков, 1988. Табл. V, 17; Архипов, 1973. Рис. 51, 1–3; Никитина, 2014. Рис. 22, 1; 36, 2; 92, 5; 181, 15; 297, 5).

В верхнем перемешенном слое Земляного городища Старой Ладogi найдена накладка с декором из треугольников ложной зерни и петлями для шумящих привесок (рис. 4, 5). Наиболее близкие аналогии известны из Огурдинского могильника, функционировавшего с рубежа X–XI вв. до второй половины XI в. в Пермском Предуралье (Белавин, Крыласова, 2012. С. 217, рис. 5, 40), а также среди изделий XI–XII вв. из Маловенижского (Иванова, 1982. Рис. 5, 9, 16), Качкашурского и Омутницкого могильников в бассейне р. Чепцы (Иванов, 1998. Рис. 29, 7; Семенов, 1985. С. 111, рис. 4, 8).

¹² НГМ КП 28080 А-57/564. Н-77 23-253-33.

Рис. 3. Ювелирные изделия Волго-Камья в археологических памятниках Восточной Балтии и сопредельных регионов: 1, 2, 7, 11, 12 — Новгород (1 — Покровская, 2007. Рис. 4, 2; 2 — Янин и др., 2006. Рис. 2, 1; 7 — Янин и др., 2013. Рис. 3, 2; 11 — Седова, 1981. Рис. 7, 5; 12 — Покровская, 2004. Рис. 1, 6); 3 — Дубровно (Минасян, Матехина, 2018. Ил. 45); 4 — Ялгино (СЛМЗ КП 97089/А-19380); 5 — Саньково (Бранденбург, 1895. Табл. VII, 8); 6 — Кирилино (Там же. Табл. III, 3); 8 — Заполье (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1928. Д. 122); 9 — Чупа (Кочуркина, 2017. Рис. 67, 2); 10 — Царевщина (Бранденбург, 1895. Табл. III, 15); 13 — Бор (Фролов, 1999. Рис. 4); 14 — Гротраск (Serning, 1956. Pl. 40, 7); 15 — Терву-Линнасаари (Кочуркина, 2010. Табл. 38, 13). 3, 5, 6, 8, 10, 14 — масштаб различный

Из Великого Новгорода происходит случайная находка — миниатюрная накладка в форме волюты с двумя привесками-бубенчиками (рис. 4, 6)¹³.

Украшения из двух волют — так называемые очковидные подвески различных форм — были найдены в Старой Ладоге (рис. 4, 9), Новосельске (рис. 4, 7) и Раглицах (рис. 4, 8). Староладожская находка в форме двойной волюты с рубчатой дужкой встречена в напластованиях X–XII вв. и имеет множественные аналогии среди изделий Верхневолжья, Поветлужья и Прикамья IX–XI вв. (Кузнецова, Григорьева, 2017. С. 64). Украшения из кургана 14 могильника Новосельск (XI в.) на р. Паша и жальника Раглицы (XII в.) в бассейне р. Луга представляют собой крупные волюты с небольшой дужкой в верхней части и шумящими привесками в нижней части (на подвеске из Раглиц привески утрачены, сохранились только петли) (Кочкуркина, 1973. С. 39, табл. 4, 13; Русь и Балтика..., 2006. Кат. 227; Соболев, Торопов, 2014. С. 347–348). Как и в случае со староладожской находкой, для данных украшений известны многочисленные аналогии в памятниках Волго-Камья. Так, например, схожие изделия происходят из могильника Большое Молочное в Верхневолжье (Леонтьев, 1999. Рис. 10, 25), Веселовского могильника и «Черемисского кладбища» в Ветлужско-Вятском междуречье (Архипов, 1973. Рис. 51, 7; Никитина, 2014. Рис. 92, 3, 7–9; 102, 1–2; 297, 1), из Аверинского могильника и дер. Зародята в Прикамье (Голдина, 1985. Табл. XVIII, 12) и др.

Довольно распространенной формой украшения для средневекового населения Волго-Окского междуречья, Прикамья и Повымья являлись подвески в форме составленных из волют треугольников (рис. 5) (Рябинин, 1997. Рис. 52, 9; 54, 10; Ястребов, 1893. Табл. III, 28; Голдина, 1985. Табл. XVIII, 10, 13, 15, 16; Савельева, 1987. Рис. 30, 24–26). Такие украшения были найдены в курганных могильниках Котино на Ижорском

плато (рис. 5, 1) (Спицын, 1896. Табл. XIII, 11), Шангеничи-лес (рис. 5, 2) (Кочкуркина, Линевский, 1985. Рис. 23, 6) и Новинка (рис. 5, 3–5) (Кочкуркина, 1973. Табл. 4, 7) в Приладжье, в памятнике Вилусенхарью-Тампере в Финляндии (рис. 5, 7) (Tomanterä, 1991. S. 42, abb. 12) и городском слое Великого Новгорода (рис. 5, 6)¹⁴.

Подобные изделия, обнаруженные на Северо-Западе Руси и в Финляндии, дополнены звеньями различных форм. На подвесках из Вилусенхарью Тампере и Паксуйоки (Залющик) (Aspelin, 1877–1878. № 1098) сохранились длинные цепочки из щитковых звеньев с привесками-«лапками». Изделие из кургана 19 могильника Шангеничи-лес было дополнено привесками на звеньях такой же формы. Женский скелет, на котором находилась эта подвеска, также сопровождался кошельком с западно-европейскими монетами 1050–1070-х гг. чеканки (Кочкуркина, Линевский, 1985. С. 58). Длинные цепочки, оканчивающиеся привесками-лапками, есть и на украшении другой формы из Паксуйоки (Залющик) (Aspelin, 1877–1878. № 1099).

С. И. Кочкуркина известные в Приладжье подвески из «трех спиральных кругов» (Кочкуркина, 1989. С. 277) относил к группе изделий XI–XII вв. В подвесках из курганов 5 и 10 могильника Новинка (рис. 5, 3–4) очевидны стилистические особенности, проявляющиеся в изделиях Предуралья со второй половины XI в., — они дополнены цепочками на массивных щитковых звеньях группы 1 варианта а, по А. В. Вострокнутову (Вострокнутов, 2013. С. 5, 7), а щиток состоит из мелких выпуклых волют.

В подвеске из Котино мотив спирали представлен не только на щитке, но и на щитках цепочек (рис. 5, 1). Такая форма звеньев встречается на разнообразных подвесках, в том числе на синкретичных изделиях, о некоторых из них речь пойдет далее.

¹³ НГМ КП 34232/205 А-94/205.

¹⁴ НГМ КП 39459 А136/57; Н-91 Фед. 18-186 № 51.

Fig. 3. Jewellery from Volga-Kama region at archaeological sites of the East Baltics and contiguous regions: 1, 2, 7, 11, 12 — Novgorod (1 — Покровская, 2007. Рис. 4, 2; 2 — Янин и др., 2006. Рис. 2, 1; 7 — Янин и др., 2013. Рис. 3, 2; 11 — Седова, 1981. Рис. 7, 5; 12 — Покровская, 2004. Рис. 1, 6); 3 — Dubrovno (Минасян, Матехина, 2018. Ил. 45); 4 — Yalgino (СЛМЗ КП 97089/А-19380); 5 — San'kovo (Бранденбург, 1895. Табл. VII, 8); 6 — Kirilino (Там же. Табл. III, 3); 8 — Zapolye (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1928. Д. 122); 9 — Chupa (Кочкуркина, 2017. Рис. 67, 2); 10 — Tsarevshchina (Бранденбург, 1895. Табл. III, 15); 13 — Bor (Фролов, 1999. Рис. 4); 14 — Grotrask (Serning, 1956. Pl. 40, 7); 15 — Tervu-Linnasaari (Кочкуркина, 2010. Табл. 38, 13). 3, 5, 6, 8, 10, 14 — Scales differ

Рис. 4. Ювелирные изделия Волго-Камья в археологических памятниках Восточной Балтии: 1, 6 — Новгород (1 — НГМ КП 28080/564 А-57/564; 6 — НГМ КП 34232/205 А 94/205); 2 — Маску-Хуммиккала (Kivikoski, 1973. Abb. 1207); 3 — Карлуха (Колодечник) (Линевский, 1947. Л. 39. Табл. XXII); 4 — Яровщина (Кочкуркина, 1973. Табл. 4, 11); 5, 7 — Старая Ладога (Кузнецова, Григорьева, 2017. Рис. 4, 1, 8); 8 — Новосельск (Русь и Балтика..., 2006. Кат. 227); 9 — Раглицы (Соболев, Торопов, 2014. Рис. 3). 2-4, 7 — масштаб различный

Fig. 4. Jewellery from Volga-Kama region at archaeological sites of the East Baltics: 1, 6 — Novgorod (1 — НГМ КП 28080/564 А-57/564; 6 — НГМ КП 34232/205 А 94/205); 2 — Masku-Hummikkala (Kivikoski, 1973. Abb. 1207); 3 — Karlukha (Kolodechnik) (Линевский, 1947. Л. 39. Табл. XXII); 4 — Yarovshchina (Кочкуркина, 1973. Табл. 4, 11); 5, 7 — Staraya Ladoga (Кузнецова, Григорьева, 2017. Рис. 4, 1, 8); 8 — Novosel'sk (Русь и Балтика..., 2006. Кат. 227); 9 — Raglitsy (Соболев, Торопов, 2014. Рис. 3). 2-4, 7 — scales differ

Примечательной категорией находок являются конические подвески (рис. 6). Корпус изделий украшается рельефными поясками, часто волнистыми линиями и волютами, на нижнем крае расположены две-три петли для шумящих привесок. А. А. Спицын относил данные украшения к изделиям «чуждого характера» и отмечал, что «подобные подвески в очень малом количестве экземпляров найдены в курганах костромских и приладожских» (Спицын, 1896. С. 22). Е. А. Рябинин полагал, что «конические подвески с двумя шумящими привесками входят в обращение

в XII–XIII вв. Ареал этих украшений обширен, хотя и не охватывает территории к западу от р. Волхов» (Рябинин, 1997. С. 131). В целом, конические подвески — это весьма типичное изделие для Верхнего Поволжья и Белозерья. Так, более 40 конических подвесок было найдено в костромских курганах (Рябинин, 1986. С. 78).

На территории Северо-Запада Руси конические подвески также встречаются. Впрочем, в сопоставлении с находками, происходящими с Северо-Востока Руси, они довольно малочисленны. Наибольшее число находок происходит

Рис. 5. Ювелирные изделия Волго-Камья в археологических памятниках Восточной Балтии: 1 — Котино (Спицын, 1896. Табл. XIII, 11); 2 — Шангеничи-лес (Кочкуркина, Линеvский, 1985. Рис. 23, 6); 3–5 — Новинка (Никольщина) (Линеvский, 1947. Л. 61. Табл. XXXII; Л. 74. Табл. XLIII); 6 — Новгород (НГМ КП 39459/57 А-136/57); 7 — Вилусенхарью-Тампере (Tomanterä, 1991. Abb. 12). 1, 3–5 — масштаб различный

Fig. 5. Jewellery from Volga-Kama region at archaeological sites of the East Baltics: 1 — Kotino (Спицын, 1896. Табл. XIII, 11); 2 — Shangenichi-les (Кочкуркина, Линеvский, 1985. Рис. 23, 6); 3–5 — Novinka (Nikol'shchina) (Линеvский, 1947. Л. 61. Табл. XXXII; Л. 74. Табл. XLIII); 6 — Novgorod (НГМ КП 39459/57 А-136/57); 7 — Vilusenharju-Tampere (Tomanterä, 1991. Abb. 12). 1, 3–5 — scales differ

из Новгорода (рис. 6, 1–8)¹⁵, что в целом неудивительно, учитывая историко-культурное значение города в эпоху средневековья и объемы археологических исследований.

Коническая подвеска также была найдена на Рюриковом городище (рис. 6, 9) в темно-сером перемешанном культурном слое (Носов и др., 2017. Рис. 5, 1). Аналогичные украшения встречаются в погребальных памятниках Северо-Западной Руси. Так, по одному изделию было найдено в курганах у дер. Кургино (рис. 6, 10), Кяргино-Гарняки (рис. 6, 12–13), Яровщина (рис. 6, 16), Новинка (Никольщина) (рис. 6, 17), Ефремово (рис. 6, 18) на р. Оять (Кочкуркина, Линеvский, 1985. С. 106, рис. 43, 3; С. 140–141, рис. 63, 1–2),

дер. Кирилино на р. Паша (рис. 6, 14) (Бранденбург, 1895. С. 121, табл. III, 17), у дер. Дубровно в бассейне р. Шелонь (Минасян, Матехина, 2018. Ил. 45) (рис. 6, 20), могильнике у дер. Беседа на Ижорском плато (рис. 6, 15) (Спицын, 1896. С. 96, табл. VIII, 5), жальниках у дер. Раглицы в Верхнем Полужье (рис. 6, 11) (Соболев, Торопов, 2014. С. 347, рис. 3), Бор III в бассейне р. Волма (Фролов и др., 1995. Рис. 3), курганов у дер. Шомукша в бассейне р. Сясь¹⁶. Из дер. Софпорог в Северной Карелии происходит случайная находка конической подвески (рис. 6, 19) (Кочкуркина, 2008. С. 129, рис. 4).

Более широкую географию имеют находки треугольных подвесок (рис. 7, 1–10). Подобные изделия традиционно рассматриваются в качестве

¹⁵ НГМ А-18/44; НГМ КП-36697 А-109/379; НГМ КП-36697 А-109/380; НГМ КП-31296 А72/137 Н-80 р. Нут. 18-12; НГМ КП-34792 А-110/507; НГМ КП-34792 А-110/532; Рогатицкий раскоп 2014 уч. 5 кв -506; Номер в ГК 6631636. НГМ КП 47095/39 А-226/39 [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=6831175> (дата обращения 31.01.2021).

¹⁶ Номер в ГК 9622390. ТМ КП-1654/99 А-195 [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=9743209> (дата обращения 31.01.2021); Номер в ГК 9622427. ТМ КП-1654/102 А-197 [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=9743172> (дата обращения 31.01.2021).

Рис. 6. Конические подвески из археологических памятников Восточной Балтии и сопредельных регионов: 1–8 — Новгород (1 — НГМ КП 47095/39 А-226/39; 2 — НГМ КП 25408/44 А-18/44; 3 — НГМ КП 36697/379 А-109/379; 4 — НГМ КП 36697/380 А 109/380; 5 — Рогатицкий-2014 № 657; 6 — НГМ КП 31296/137 А 72/137; 7 — НГМ КП 34792/507 А 110/507; 8 — НГМ КП 34792/532 А 110/532); 9 — Рюриково городище (Носов и др., 2017. Рис. 5, 1); 10 — Кургино (Кочкуркина, Линецкий, 1985. Рис. 43, 3); 11 — Раглицы (Соболев, Торопов, 2014. Рис. 3); 12–13 — Кяргино-Гарняки (Кочкуркина, Линецкий, 1985. Рис. 63, 1–2); 14 — Кирилино (Бранденбург, 1895. Табл. III, 17); 15 — Беседа (Спицын, 1896. Табл. VIII, 5); 16 — Яровщина (Aspelin, 1878. № 1126); 17 — Ефремково (Ратовичи) (Линецкий, 1947. Л. 112); 18 — Никольщина (ГЭ 1416/4); 19 — Софпорог (Кочкуркина, 2017. Рис. 68, 6); 20 — Дубровно (Минасян, Матехина, 2018. Ил. 45). 14–17, 20 — масштаб различный

Fig. 6. Conical pendants from archaeological sites of the East Baltics and contiguous regions: 1–8 — Novgorod (1 — НГМ КП 47095/39 А-226/39; 2 — НГМ КП 25408/44 А-18/44; 3 — НГМ КП 36697/379 А-109/379; 4 — НГМ КП 36697/380 А 109/380; 5 — Рогатицкий-2014 № 657; 6 — НГМ КП 31296/137 А 72/137; 7 — НГМ КП 34792/507 А 110/507; 8 — НГМ КП 34792/532 А 110/532); 9 — Rurik Gorodishche (Носов и др., 2017. Рис. 5, 1); 10 — Kurgino (Кочкуркина, Линецкий, 1985. Рис. 43, 3); 11 — Raglitsy (Соболев, Торопов, 2014. Рис. 3); 12–13 — Kyargino-Garnyaki (Кочкуркина, Линецкий, 1985. Рис. 63, 1–2); 14 — Kirilino (Бранденбург, 1895. Табл. III, 17); 15 — Beseda (Спицын, 1896. Табл. VIII, 5); 16 — Yarovshchina (Aspelin, 1878. № 1126); 17 — Yefremkovo (Ratovichy) (Линецкий, 1947. Л. 112); 18 — Nikol'shchina (ГЭ 1416/4); 19 — Sofporog (Кочкуркина, 2017. Рис. 68, 6); 20 — Dubrovno (Минасян, Матехина, 2018. Ил. 45). 14–17, 20 — scales differ

атрибутов финно-угорской культуры (Голубева, 1982. С. 118–119). В целом треугольные подвески различных форм были широко распространены на территории Волго-Камья в разные периоды. Украшения XI–XIII вв., характерные для Прикамья, часто оформлены массивными жгутами и дополнены треугольниками ложной зерни (Иванова, 1998. С. 143, рис. 58). Ближе всего именно к прикамским изделиям треугольная подвеска из могильника Горка 3 (рис. 7, 1) (Станкевич, 1947. Рис. 2), датированного С. И. Кочкуркиной XI в. (Кочкуркина, 1989. С. 191). Остальные треугольные подвески, встреченные на территории Балтии, весьма разнообразны, варьирует оформление и каркасного щитка, и его заполнения. Преимущественно они имеют слегка закругленную нижнюю часть и три-четыре петли для привесок. Стилистически они ближе не предуральским изделиям, а поволжским. Подобные изделия в трудах Е. А. Рябина фигурировали как украшения, относящиеся к «местным чудским древностям» Костромского Поволжья (Рябинин, 1997. С. 194). Они были также обозначены как поздняя разновидность «мерянских» украшений (Там же. С. 131).

Треугольная подвеска со щитком, составленным из гладких жгутов, происходит из кургана 3 могильника Видлица (рис. 7, 2). Вместе с этим изделием были найдены четыре западноевропейские монеты XI в. и прикамская подвеска-«всадник на змее» (Равдоникас, 1934. С. 14–15, табл. V, 12; Кочкуркина, 1989. С. 236). Еще одна подвеска с похожим оформлением щитка обнаружена в кургане 2

могильника Кузнецы и Чалых (рис. 7, 3) (Бранденбург, 1895. С. 97, табл. VII, 6), датированного С. И. Кочкуркиной и А. М. Линецким XI–XII вв. (Кочкуркина, Линецкий, 1985. С. 9).

Изделие с центральной частью, заполненной перекрещивающимися по диагонали линиями, встречено в Новгороде в слое второй половины XII в. (рис. 7, 4) (Гайдуков, Олейников, 2014. Рис. 5, 2). Каркас подвески оформлен в виде трех жгутов, центральный перекручен. Обломок стилистически схожего изделия, но меньшего по размеру, зафиксирован в ходе раскопок 1986 г. на Земляном городище Старой Ладogi (рис. 7, 5)¹⁷; примечательно, что украшение дополнено только двумя петлями для шумящих привесок.

Треугольная подвеска с таким же декором центра найдена в Шведской Лапландии на жертвеннике Гротраск (рис. 7, 6) (Serning, 1956. Pl. 40, 4). Фрагмент изделия происходит также из памятника Унна Сайва (рис. 7, 7) (Serning, 1956. Pl. 17, 3). В центре изделия имеются следы вертикальной оси и диагональных линий, а на каркасе расположены пять округлых отверстий. Вероятно, украшение представляло собой оригинальную форму данной разновидности подвесок.

На сегодняшний день нам известно три экземпляра треугольных подвесок из Финляндии. Схожая с ладожским экземпляром находка встречена в Хяннила-Йува (рис. 7, 9) (Tomanterä, 1991. S. 40, abb. 9). В Палвиала Туллонен (район Карку) (рис. 7, 8) подвеска была найдена вне комплекса,

¹⁷ СЛМЗ НВФ-731 А-1/109.

Рис. 7. Подвески треугольной и круглой формы из археологических памятников Северной и Восточной Балтии: 1 — Горка (Станкевич, 1947. Рис. 2); 2 — Видлица (Равдоникас, 1934. Табл. V, 12); 3, 11 — Кузнецы-Чалых (Бранденбург, 1895. Табл. VII, 6; III, 8); 4 — Новгород (Гайдуков, Олейников, 2014. Рис. 5, 2); 5 — Старая Ладога (Кузнецова, Григорьева, 2017. Рис. 3, 20); 6 — Гротраск (Serning, 1956. Pl. 40, 4); 7 — Унна Сайва (Ibid. Pl. 17, 3); 8 — Палвиала-Туллонен (Tomanterä, 1991. Abb. 8); 9 — Хяниила-Йува (Ibid. Abb. 9); 10 — Лаутамяки-Теува (Ibid. Abb. 10). 1, 3, 6–11 — масштаб различный

Fig. 7. Pendants of the triangular and globular shape from archaeological sites of the Northern and Eastern Baltics: 1 — Gorka (Станкевич, 1947. Рис. 2); 2 — Vidlitsa (Равдоникас, 1934. Табл. V, 12); 3, 11 — Kuznetsy-Chalykh (Бранденбург, 1895. Табл. VII, 6; III, 8); 4 — Novgorod (Гайдуков, Олейников, 2014. Рис. 5, 2); 5 — Staraya Ladoga (Кузнецова, Григорьева, 2017. Рис. 3, 20); 6 — Grotrask (Serning, 1956. Pl. 40, 4); 7 — Unna Saiva (Ibid. Pl. 17, 3); 8 — Palviala-Tullonen (Tomanterä, 1991. Abb. 8); 9 — Hännila-Juva (Ibid. Abb. 9); 10 — Lautamäki-Teuva (Ibid. Abb. 10). 1, 3, 6–11 — scales differ

на могильнике эпохи викингов и предшествующего периода (*Ibid.* S. 40, abb. 8). Треугольная подвеска из Теува-Лаутамяки (рис. 7, 10) представляет собой наиболее оригинальное изделие из известных авторам (*Ibid.* S. 40, abb. 7). Центральная часть не заполнена, а в верхней части щитка помещены две небольшие волюты.

Более редкими (по сравнению с треугольными) являются круглые подвески. Такое изделие происходит из кургана 2 могильника между дер. Кузнецы и Чалых (рис. 7, 11) — схожая с волжскими украшениями круглая подвеска (*Бранденбург*, 1895. Табл. III, 8), аналогия которой известна в материалах Костромских курганов (*Нефедов*, 1899. Табл. 2, 2).

Треугольные, конические, а также составленные из волют подвески в XII–XIII вв. и на территории Волго-Камья, и Белозерья широко представлены в памятниках, чья культурная принадлежность соотносится как с финно-угорским, так и с древнерусским населением. В рассматриваемый период, вероятно, отнюдь не все изделия, украшенные плетенками, витыми жгутами, волютами и др., являлись непосредственными импортами из Северо-Восточных земель. На территорию Балтии могли «импортироваться» идея и стилистика. В этой связи логично обозначить находки, чья культурная принадлежность в историографии получила подчас диаметрально противоположные интерпретации. Ряд синкретичных ювелирных изделий XII–XIII вв. — игольники, массивные звенья цепей, некоторые разновидности фибул — рассматривались В. Н. Кузнецовой в отдельных публикациях (*Кузнецова*, 2019б; 2020а).

В рамках данной статьи стоит отметить наиболее интересные изделия. Выше мы писали о круглых застежках, характерных для Волго-Камья. В Теува-Лаутамяки найдено изделие с волнистым орнаментом и петлями для шумящих привесок (рис. 8, 1). Форма напоминает импортные фибулы, однако декор говорит об иной традиции: волна, крупные капли, обрамляющие петли для подвесок, характерны для древнерусских изделий. Например, эти элементы присутствуют в оформлении полых зооморфных подвесок. Уникальная на сегодняшний день фибула (рис. 8, 2) происходит из Старой Руссы, из раскопок А. Ф. Медведева 1968 г. (пласты 14–16)¹⁸. На дуге расположен

рельефный орнамент в виде волнистых линий и завитков. С одной стороны, он может быть рассмотрен как аллюзия на декор карельских фибул. С другой, он характерен для полых полиморфных и конических подвесок, которые были распространены на территории Верхнего Поволжья и Белозерья. В пользу ассоциации именно с этим кругом изделий говорят и жгуты, оконтуривающие корпус фибулы, и волюты, расположенные на дужке иглы. Совершенно нестандартным элементом являются петли для привесок, расположенные сбоку изделия (если считать верхней частью участок с редуцированными головками). К ним прикреплены длинные цепочки, составленные из щитковых звеньев. Привеской является умбоновидное, или волутообразное, украшение. Собственно оно, как и щитковые звенья цепочек, является характерным для Волго-Камья.

Все обозначенные элементы также фигурируют в декоре игольников с ажурной арочной спинкой (рис. 8, 3–5, 8, 9). Они являются, пожалуй, наиболее яркой разновидностью синкретичной металлопластики. Арка состоит из «косички», гладких или рельефных жгутов — элементов, характерных для средневековой металлопластики Волго-Камья. Схожие приемы можно увидеть в оформлении «коньков» владимирского типа, камских арочных подвесок и ряда других изделий. В то же время, сама форма игольника в виде горизонтальной трубочки связана с северо-западом лесной зоны Восточной Европы, а косорешетчатое заполнение арки «повторяет рисунок на круглых подвесках XII–XIII вв., характерных для Новгородской земли» (*Голубева*, 1973. С. 41).

В прибалтийских землях сама арочная форма украшений была весьма популярна. Так, в памятниках Латвии и Эстонии известны арочные подвески, выполненные в схожей с игольниками стилистике, но не имеющие функции игольников (рис. 8, 6, 10). Пропорции и оформление последних различны. Центральная часть заполнена косорешетчатым орнаментом, как правило, изделия дополнены привесками на щитковых звеньях (*Мугуревич*, 1965. Табл. XXVI, 12; *Тыниссон*, 1984. Рис. 1, 20; *Tõnisson*, 1974. Taf. XXXIV), характерных для украшений Волго-Камья. Однако форма привесок вариативна. Так, случайная находка из

¹⁸ Авторы выражают глубокую признательность руководителю Центра археологических исследований

Новгородского ГУ С. Е. Торопову за информацию о находке.

Рис. 8. Синкретичные изделия из археологических памятников Восточной Балтии: 1 — Теува-Лаутамяки (Tomanterä, 1991. Abb. 5); 2 — Старая Русса; 3 — Мадри (Selirand, 1974. Tahv. XXXI, 3); 4 — Шахново (Бранденбург, 1895. Табл. V, 4); 5 — Щепняк (Кочуркина, 1989. Рис. 91, 2); 6 — Карла Козе (Selirand, 1974. Tahv. XXXI, 4); 7, 8 — Новгород (7 — НГМ КП 46254/430 А 208/430; 8 — НГМ КП 42580/17 А-178/17); 9 — Никольщина (ГЭ 1416/6); 10 — Саласпилс Мартыньсала (Мугуревич, 1965. Табл. XXVI, 12). 1, 4 — масштаб различный

дер. Карла (вол. Козе, Эстония) (рис. 8, 6) дополнена фигурными привесками (Ф-видной формы) (*Selirand*, 1974. Tahv. XXXI, 4), часто встречающимися на прибалтийских украшениях (*Тыниссон*, 1984. Рис. 1, 22–23).

Из Козмодемьянского II раскопа Великого Новгорода происходит дугообразный фрагмент украшения, корпус которого был оформлен косичкой (рис. 8, 7)¹⁹. Как и в случае с арочными игольниками, такое оформление является реминисценцией из волжско-финской традиции. С одной стороны фрагмента сохранился обломок диагональной линии, с противоположной — завиток с петелькой. Последняя деталь в наибольшей степени схожа с тем, как оформлены «хвосты» у полых коньков (*Рябинин*, 1981).

Импортные изделия X–XI вв. с территории Волго-Камья заметно отличаются от украшений Балтии как с точки зрения стилистики (звериный стиль, иная орнаментация и пр.), так и в технологическом отношении (ажурные поволжские украшения в так называемой наборной технике). Тем не менее они включаются в местный костюм, но довольно любопытно адаптируются к местной моде. Так, неволинские пояса из женского атрибута превращаются в мужской, а подвески-«всадники», напротив, из мужского в женский.

В XII–XIII вв., с одной стороны, увеличивается количество находок, маркирующих контакты с Волго-Уральским регионом, с другой, многие из них — конические, треугольные подвески и др. — уже не выглядят как инокультурный элемент в древнерусском уборе. Изначально импортные изделия в какой-то момент становятся основой для появления синкретичных украшений.

Неслучайна путаница, возникающая относительно культурной принадлежности некоторых изделий. К примеру, пронизки со «вздутиями» не всегда вычленялись как импорты, так как форма изделий схожа с так называемыми Ф-видными пронизками, считающимися характерными для

средневековой корелы. Игольники с арочной ажурной спинкой, дисковидные и трапециевидные разделители также часто рассматривались как «этнические украшения веси» (*Кузнецова*, 2019а; 2019б; 2020б).

На фоне активной древнерусской колонизации (появления изначально не моноэтнического или монокультурного древнерусского населения) и развития торговых связей для ряда изделий границы между характерными для того или иного региона типами становятся весьма размытыми. Отнюдь не случайным является появление различных ювелирных изделий в синкретичном стиле — как довольно массовых, так и редких. Так, «птица» из Ухтуа, вероятно, как заметили еще А. М. Тальгрэн и К. А. Нордман, была выполнена по мотивам Пермского звериного стиля. Однако орнаментальное решение (наличие завитков, изящных линий и др.), форма некоторых привесок говорят о переосмыслении идеи в контексте прибалтийско-финской стилистики (*Tallgren*, 1931. Р. 113). Целый ряд древнерусских зооморфных подвесок возникает в результате контаминации черт северо-западной и северо-восточной традиции (*Кузнецова*, 2018а).

Исходя из имеющихся на сегодняшний день в нашем распоряжении данных, можно говорить о том, что наибольшая концентрация изделий, связанных с Волго-Уральским регионом (как в виде непосредственных импортов, так и в виде изделий, возникших под влиянием стилистики Волго-Камья), наблюдается в Юго-Восточном Приладожье и Новгороде (рис. 9).

Примечательно, что определенное различие в наборе изделий также присутствует. В Приладожье выявлены и наиболее ранний набор волго-камских импортов, и изделия XII–XIII вв., в том числе синкретичная пластика. Новгород и округа преимущественно представлены более поздним набором украшений середины — второй половины XI — XIII в.

¹⁹ НГМ КП 46254 А-208/430.

Fig. 8. Syncretic objects from archaeological sites of the East Baltics: 1 — Teuva-Lautamäki (*Tomanterä*, 1991. Abb. 5); 2 — Staraya Russa; 3 — Madi (*Selirand*, 1974. Tahv. XXXI, 3); 4 — Shakhnovs (Бранденбург, 1895. Табл. V, 4); 5 — Shchepnyak (*Кочкуркина*, 1989. Рис. 91, 2); 6 — Karla-Koze (*Selirand*, 1974. Tahv. XXXI, 4); 7, 8 — Novgorod (7 — НГМ КП 46254/430 А-208/430; 8 — НГМ КП 42580/17 А-178/17); 9 — Nikol'shchina (ГЭ 1416/6); 10 — Salaspils Martynsala (*Мугуревич*, 1965. Табл. XXVI, 12). 1, 4 — scales differ

Рис. 9. Карта находок, упомянутых в статье: 1 — Бробака-Карья; 2–3 — Луккаринмяки-Ускела; 4–5 — Кюлямяки-Лайтила; 6 — Маску-Хуммиккала; 7 — Юссила-Кангасала; 8 — Вилусенхарью-Тампере; 9 — Палвиала-Каркку; 10–11 — Лаутамяки-Теува; 12 — Хяннила-Йува; 13 — Хелюля Хернемаяки; 14 — Терву-Линнасаари; 15–16 — Видлица; 17–18 — Шуя; 19–21 — Кокорино; 22–26 — Чёлмужи; 27 — Илекса; 28 — Софпорог; 29 — Чупа; 30–31 — Унна Сайва; 32–34 — Гротраск; 35 — Маллавере; 36 — Карла Коже; 37 — Мадж; 39 — Икскиле Кабеле; 40 — Саласпилс Мартыньсала; 41–63 — Новгород; 64–66 — Рюриково городище; 67–68 — Раглицы; 69 — Заполье; 70 — Вырица; 71 — Котино; 72 — Беседа; 73–74 — Бор III–IV; 75 — Стёпаново; 77–78 — Дубровно; 79 — Которск; 80 — Старая Руса; 81–86 — Старая Ладога; 87 — Новосельск; 88–89 — Паскуйоки (Залющик); 90 — Горки; 91 — Ялгино; 92–93 — Шомукша; 94 — Исаково-Усадище; 95–127 — Юго-Восточное Приладожье (Кузнецы-Чалых, Никольщина, Карлуха, Шангеничи, Яровщина, Кургино, Новинка, Заозерье, Алёховщина, Кяргино-Гярняки, Ефремково (Ратовичи), Шахново, Рыбежна, Воскресенский ручей, Сязнега, Кирилино, Щепняк, Подъелье, Царевщина, Саньково); 128 — Погорелка

Fig. 9. Map of the finds mentioned in the article: 1 — Brobaka-Karjä; 2–3 — Lukkarinmäki-Uskela; 4–5 — Kylämäki-Laitila; 6 — Masku-Hummikkala; 7 — Jussila-Kangasala; 8 — Vilusenharju-Tampere; 9 — Palviaala-Karkku; 10–11 — Lautamäki-Teuva; 12 — Hännilä-Juva; 13 — Helylä Hernemäki; 14 — Tervu-Linnasaari; 15–16 — Vidlitsa; 17–18 — Shuya; 19–21 — Kokorino; 22–26 — Chyolmuzhi; 27 — Ilekse; 28 — Sofporog; 29 — Chupa; 30–31 — Unna Saiva; 32–34 — Grotrask; 35 — Mallavere; 36 — Karla-Koze; 37 — Madi; 39 — Ikskile Kabele; 40 — Salaspils Martynsala; 41–63 — Novgorod; 64–66 — Rurik Gorodishche; 67–68 — Raglitsy; 69 — Zapolye; 70 — Vyritsa; 71 — Kotino; 72 — Beseda; 73–74 — Bor III–IV; 75 — Styopanovo; 77–78 — Dubrovno; 79 — Kotorok; 80 — Staraya Rusa; 81–86 — Staraya Ladoga; 87 — Novosel'sk; 88–89 — Paskujoki (Zalyushchik); 90 — Gorki; 91 — Yalgino; 92–93 — Shomuksha; 94 — Isakovo-Usadishche; 95–127 — South-Eastern Ladoga (Kuznetsy-Chalykh, Nikol'shchina, Karlukha, Shangenichi, Yarovshchina, Kurgino, Novinka, Zaozerye, Alyokhovshchina, Kyargino-Gyarnyaki, Yefremkovo (Ratovich), Shakhnov, Rybezha, Voskresensky Ruchey, Syaznega, Kirilino, Shchepnyak, Podyelye, Tsarevshchina, San'kovo); 128 — Pogorelka

- Алихова, 1969 — Алихова А. Е. Материальная культура средне-цнинской мордвы VIII–XI вв. По материалам раскопок П. П. Иванова за 1927–1928 годы. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1969 (Археологический сб. Т. III). 176 с.
- Архипов, 1973 — Архипов А. Г. Марийцы IX–XI вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1973. 200 с.
- Ахмедов, 2016 — Ахмедов И. Р. Мордва: между Хазарским каганом, Волжской Булгарией и Русью // Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара: Каталог выставки Гос. Эрмитажа. М.: Изд. дом Марджани, 2016. С. 440–461.
- Белавин, 2000 — Белавин А. М. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь: Изд-во ПГПУ, 2000. 200 с.
- Белавин, 2002 — Белавин А. М. Культурные связи финнов Прибалтики и Поволжья с угро-финским населением Пермского Предуралья и вопросы этнической истории Прикамья // Древние этнокультурные связи финно-угров: Материалы рос. археологической конф., посв. 30-летию Марийского гос. ун-та и 10-летию Центра археолого-этнографических исследований. Йошкар-Ола: б. и., 2002. С. 171–175.
- Белавин, Крыласова, 2008 — Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Древняя Афула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: ПГПУ, 2008. 603 с.
- Белавин, Крыласова, 2010 — Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Предметы с изображением сюжета «животное/всадник на основании» в культуре средневекового населения Северной Евразии // Археология, антропология и этнография Евразии. 2010. № 2 (42). С. 79–88.
- Белавин, Крыласова, 2012 — Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Огурдинский могильник. Пермь: ПГПУ, 2012. 259 с.
- Богуславский, 1994 — Богуславский О. И. Отчет о работах Приладожского отряда в 1994 году // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1994. Д. 43.
- Бранденбург, 1895 — Бранденбург Н. Е. Курганы Южного Приладожья. СПб.: Тип. Гл. Упр. Уделов, 1895 (МАР; № 18). 156 с.
- Вихляев и др., 2008 — Вихляев В. И., Беговаткин А. А., Зеленцова О. В., Шитов В. Н. Хронология могильников населения I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2008. 352 с.
- Воронина, 2007 — Воронина Р. Ф. Лядинские древности: из истории мордвы-мокши: конец IX — начало XI века: по материалам Цнинской археологической экспедиции 1983–1985 годов. М.: Наука, 2007. 164 с.
- Вострокнутов, 2013 — Вострокнутов А. В. Звенья цепи и шумящие привески украшений родановской культуры Верхнего Прикамья как датирующий элемент // Вестник Челябинского ГУ. 2013. № 12 (303). С. 5–12.
- Вострокнутов, 2020 — Вострокнутов А. В. Шумящие украшения Пермского Предуралья XI–XIV веков нашей эры: культурно-хронологическая и технологическая идентификация. СПб.: Маматов, 2020. 328 с.
- Гайдуков, Олейников, 2014 — Гайдуков П. Г., Олейников О. М. Исследования на территории Воскресенской слободы Великого Новгорода в 2013 году (раскопы Алексеевский 3 и Алексеевский 4), 2014. // НиНЗИИА. Великий Новгород: НМЗ, 2006. Вып. 28. С. 62–71.
- Голдина, 1970 — Голдина Р. Д. Могильники VII–IX вв. на Верхней Каме // Вопросы археологии Урала. 1970. Вып. 9. С. 57–112.
- Голдина, 1985 — Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1985. 280 с.
- Голубева, 1964 — Голубева Л. А. Огнива с бронзовыми рукоятками // СА. 1964. № 3. С. 115–131.
- Голубева, 1973 — Голубева Л. А. Весь и славяне на Белом озере. М.: Наука, 1973. 212 с.
- Голубева, 1979 — Голубева Л. А. Зооморфные украшения финно-угров. М.: Наука, 1979 (САИ; Вып. Е1–59). 112 с.
- Голубева, 1982 — Голубева Л. А. К истории треугольной подвески // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск: НИИ при Сов. Мин. Удмуртской АССР, 1982. С. 110–124.
- Голубева, Варенов, 1993 — Голубева Л. А., Варенов А. Б. Новое об огнивах с бронзовыми рукоятками // РА. 1993. № 4. С. 94–109.
- Гришаков, 1988 — Гришаков В. В. К истории населения правобережья Нижней Оки в конце I тысячелетия нашей эры // Материалы по археологии Мордовии. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1988. С. 71–103.
- Гроздилов, 1941 — Гроздилов Г. П. Сел. Челмужи // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. Краткие отчеты и сведения. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 13–14.
- Зеленцова, Милованов, 2015 — Зеленцова О. В., Милованов С. И. Курганные обряд погребения

- в Нижнем Поочье в эпоху средневековья // Города и веи средневековой Руси. Археология, история, культура: к 60-летию Н. А. Макарова: Сб. ст. / Отв. ред. П. Г. Гайдуков. М.: ИА РАН; Вологда: Древности Севера, 2015. С. 122–134.
- Иванов, 1952 — Иванов П. П. Материалы по археологии мордвы. Крюковско-Кужновский могильник. Моршанск: Моршанский краеведческий музей, 1952. 232 с.
- Иванов, 1998 — Иванов А. Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья (конец V — первая половина XIII в.). Ижевск: Удмуртский ИИЯЛ УрО РАН, 1998. 308 с.
- Иванова, 1982 — Иванова М. Г. Маловенижский могильник // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск: НИИ при Сов. Мин. Удмуртской ССР, 1982. С. 52–77.
- Иванова, 1992 — Иванова М. Г. Погребальные памятники северных удмуртов XI–XIII вв. Ижевск: Удмуртский ИИЯЛ УрО РАН, 1992. 126 с.
- Иванова, 1998 — Иванова М. Г. Городище Иднакар IX–XIII вв. Ижевск: Удмуртский ИИЯЛ УрО РАН, 1998. 294 с.
- Киричников, Сакса, 2002 — Киричников А. Н., Сакса А. И. Финское население в составе северорусских средневековых городов // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси: Сб. ст. / Отв. ред.: Е. Н. Носов, Г. И. Смирнова. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. С. 134–144.
- Кочкуркина, 1973 — Кочкуркина С. И. Юго-Восточное Приладожье в XI–XIII вв. Л.: Наука, 1973. 150 с.
- Кочкуркина, 1981 — Кочкуркина С. И. Археологические памятники корелы. Л.: Наука, 1981. 160 с.
- Кочкуркина, 1989 — Кочкуркина С. И. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X–XIII вв. (реки Сясь, Тихвинка, Капша, Паша, Воронезка, Свирь, Олонка, Тулокса, Видлица, северное и западное побережье Онежского озера). Петрозаводск: Карелия, 1989. 348 с.
- Кочкуркина, 2008 — Кочкуркина С. И. Новые археологические находки эпохи средневековья в Северной Карелии // РА. 2008. № 4. С. 128–129.
- Кочкуркина, 2010 — Кочкуркина С. И. Древнекарельские городища эпохи средневековья. Петрозаводск: ИЯЛИ Карельского НЦ РАН, 2010. 264 с.
- Кочкуркина, 2013 — Кочкуркина С. И. Приладожская курганная культура: погребения с монетами, весами и гирьками. Каталог. Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 2013. 160 с.
- Кочкуркина, 2017 — Кочкуркина С. И. Археология средневековой Карелии. Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 2017. 280 с.
- Кочкуркина, Линевский, 1985 — Кочкуркина С. И., Линевский А. М. Курганы летописной веи X — начала XIII века. Петрозаводск: Карелия, 1985. 223 с.
- Крыласова, 2001 — Крыласова Н. Б. История Прикамского костюма: костюм средневекового населения Пермского Предуралья. Пермь: ПГПУ, 2001. 260 с.
- Крыласова, 2007 — Крыласова Н. Б. Археология повседневности: Материальная культура средневекового Предуралья. Пермь: ПГПУ, 2007. 352 с.
- Кузнецова и др., 2019 — Кузнецова В. Н., Григорьева Н. В., Миляев П. А. Новые находки зооморфных изделий в Старой Ладоге // НиНЗИиА. Великий Новгород: НМЗ, 2020. Вып. 33. С. 218–227.
- Кузнецова, 2018а — Кузнецова В. Н. Изобразительные традиции Севера Руси и Прикамья в зооморфных подвесках XI–XIII веков // Актуальные проблемы теории и истории искусства: Сб. науч. ст. / Под ред. С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой, А. В. Захаровой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2018. Вып. 8. С. 610–621.
- Кузнецова, 2018б — Кузнецова В. Н. Находки средневековых украшений и деталей костюма в контексте контактов Северо-Запада Руси и Уральских земель // Археология Севера России Югра — волость Новгорода Великого в XI–XV вв. Свод источников и исследований: Сб. материалов Всерос. науч. конф. с междунар. участием (г. Сургут, 1–5 октября 2018 года): в 2 частях / Отв. ред. В. А. Лапшин. Сургут; Нефтеюганск; Екатеринбург: Изд. группа АНО «Институт археологии Севера», 2018. Ч. I (Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири; вып. VII). С. 260–265.
- Кузнецова, 2019а — Кузнецова В. Н. Дисковидные украшения в археологических материалах Северной Руси и Волго-Камья // Костромской край и сопредельные территории в древности, Средневековье и Новое время. К 110-летию со дня рождения П. Н. Третьякова: Сб. науч. тр. / Под ред. А. С. Лазарева, И. С. Наградова, В. Л. Щербакова. Кострома, 2019. С. 44–50.
- Кузнецова, 2019б — Кузнецова В. Н. Ювелирные изделия XII–XIII вв. в синкретичном «чудском» стиле // АиИПиПЗ. Псков: ИА РАН, 2019. Вып. 34 (Семинар им. акад. В. В. Седова: Материалы 64-го заседания (2018 г.)). С. 300–313.

- Кузнецова, 2020а — Кузнецова В. Н. Древнерусские игольники с арочной ажурной спинкой // АВ. СПб.: ИИМК РАН, 2020. Вып. 28. С. 334–345.
- Кузнецова, 2020б — Кузнецова В. Н. Находки редких разновидностей «цеперазделителей» с территории Севера Руси и Волго-Камья // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь: ТНИИАР-Центр, 2020. Вып. 13. С. 54–62.
- Кузнецова, Григорьева, 2017 — Кузнецова В. Н., Григорьева Н. В. Украшения Волго-Камья на Северо-Западе Руси // Тр. Камской археолого-этнографической экспедиции. Пермь: ПГПУ, 2017. Вып. XII: Средневековая археология Евразии: от Камы до Дуная: Сб. науч. тр. к 50-летию юбилею Н. Б. Крыласовой. С. 60–73.
- Кулябина, 2013 — Кулябина Н. В. Наследие камской чуди: Пермский звериный стиль: Из собрания Пермского краеведческого музея: Каталог / Под ред. Г. Н. Чагина. Пермь: ПКМ, 2013. 268 с.
- Леонтьев, 1989 — Леонтьев А. Е. Поповское городище (результаты раскопок 1980–1984) // Ранне-средневековые древности Верхнего Поволжья (материалы работ Волго-Окской экспедиции) / Отв. ред. В. В. Седов. М.: ИА РАН, 1989. С. 5–105.
- Леонтьев, 1996 — Леонтьев А. Е. Археология мери (К предыстории Северо-Восточной Руси). М.: Геоэко, 1996. 340 с.
- Леонтьев, 1999 — Леонтьев А. Е. Меря // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск: Удмуртский ИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 18–66.
- Линевский, 1947 — Линевский А. М. Отчет по обследованию курганов X–XI вв. на реке Оять Ленинградской области в 1947 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 147.
- Макаров, 2009 — Макаров Н. А. Культурная идентичность и этническая ситуация на окраинах // Археология севернорусской деревни X–XIII вв.: Средневековые поселения и могильники. М.: Наука, 2009. Т. 3: Палеоэкологические условия, общество и культура. С. 91–102.
- Минасян, Матехина, 2018 — Минасян Р. С., Матехина Т. С. Находки Н. К. Рериха в бывшем Порховском уезде бывшей Псковской губернии в 1899 году, относящиеся к XI–XIII векам // Н. К. Рерих. «Из чудесных камней прошлого сложите ступени грядущего». К 125-летию начала археологической деятельности академика живописи, археолога, коллекционера и путешественника Н. К. Рериха: альбом / Гл. ред. А. А. Бондаренко; отв. ред. Ю. Ю. Будникова. СПб.: Изд. СПб. Гос. музей-институт семьи Рерихов, 2018. 64 с.
- Мугуревич, 1965 — Мугуревич Э. С. Восточная Латвия и соседние земли в X–XIII вв. Экономические связи с Русью и другими территориями. Пути сообщения. Рига: Зинатне, 1965. 145 с.
- НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1928. Д. 122: О раскопках С. А. Теплоухова в Северо-Западной области; Ф. 35. Оп. 1. 1982. Д. 37: Полевой отчет Е. А. Рябинина о полевых исследованиях Староладожского земляного городища в 1982 г.
- Нефедов, 1899 — Нефедов Ф. Д. Отчет об археологических изысканиях в Костромской губернии // МАВГР. М.: Тип. Н. И. Шарапова, 1899. Т. III. С. 161–236.
- Никитина, 2014 — Никитина Т. Б. Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья. Казань: б. и., 2014 (Серия «Археология евразийских степей»; Вып. 14). 408 с.
- Носов и др., 2017 — Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвоцинская Н. В. Рюриково городище. Новые этапы исследований. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 288 с.
- Оборин, Чагин, 1988 — Оборин В. А., Чагин Г. Н. Чудские древности Рифея: Пермский звериный стиль. Пермь: Пермское книжное изд-во, 1988. 184 с.
- Покровская, 2004 — Покровская Л. В. Привески Людина конца средневекового Новгорода: хронология (По материалам Троицкого раскопа) // НиНЗИиА. Великий Новгород: НМЗ, 2004. Вып. 18. С. 161–174.
- Покровская, 2009 — Покровская Л. В. Финно-угорский компонент в новгородской материальной культуре (по археологическим данным) // Новгородская земля — Урал — Западная Сибирь в историко-культурном и духовном наследии. В 2-х ч.: ч. 1. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2009. С. 37–47.
- Покровская, 2018 — Покровская Л. В. Шумящие привески с Троицкого раскопа // Археология Севера России Югра — волость Новгорода Великого в XI–XV вв. Свод источников и исследований: Сб. материалов Всерос. науч. конф. с междунац. участием (г. Сургут, 1–5 октября 2018 г.): в 2 ч. / Отв. ред. В. А. Лапшин. Сургут; Нефтеюганск; Екатеринбург: Изд. группа АНО «Институт археологии Севера», 2018. Ч. I. (Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири; Вып. VII). С. 267–269.
- Равдоникас, 1934 — Равдоникас В. И. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и

- юго-восточном Приладожье // Известия ГАИМК. 1934. Вып. 94. 53 с.
- Русь и Балтика..., 2006 — Русь и Балтика в эпоху викингов: Каталог выставки Гос. Эрмитажа. СПб.: Славия, 2006. 119 с.
- Рябинин, 1981 — *Рябинин Е. А.* Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. Л.: Наука, 1981 (САИ; Вып. Е1-60). 124 с.
- Рябинин, 1986 — *Рябинин Е. А.* Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л.: Наука, Лен. отд., 1986. 160 с.
- Рябинин, 1997 — *Рябинин Е. А.* Финно-угорские племена в составе Древней Руси: К истории славяно-финских этнокультурных связей: Историко-археологические очерки. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. 260 с.
- Савельева, 1987 — *Савельева Э. А.* Вымские могильники XI–XIV вв. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1987. 200 с.
- Савельева, 2019 — *Савельева Э. А.* Кичильковский I могильник XI–XIII вв. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2019. 232 с.
- Седова, 1981 — *Седова М. В.* Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981.
- Семенов, 1985 — *Семенов В. А.* Омутницкий могильник // Материалы средневековых памятников Удмуртии: Сб. ст. / Отв. ред. М. Г. Иванова. Устинов: б. и., 1985. С. 92–118.
- Соболев, 2020 — *Соболев В. Ю.* Торговые контакты населения Которска // АВ. СПб.: ИИМК РАН, 2020. Вып. 28. С. 366–376.
- Соболев, Торопов, 2014 — *Соболев В. Ю., Торопов С. Е.* Комплекс памятников у деревни Раглицы в Верхнем Полужье: история и перспективы изучения // НиНЗИИА. Великий Новгород: НМЗ, 2020. Вып. 28. С. 345–355.
- Спиридонов, 2013 — *Спиридонов А. М.* Раскопки могильника эпохи викингов в окрестностях Петрозаводска // Carelica. Научный электронный журнал. 2013. № 1 (10). С. 186–197 [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://carelica.petrso.ru/2013/Chronicle_3.pdf (дата обращения 31.01.2021).
- Спицын, 1896 — *Спицын А. А.* Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. СПб.: Тип. Гл. Упр. Уделов, 1896 (МАР; № 20). 124 с.
- Спицын, 1901 — *Спицын А. А.* Древности бассейнов рек Оки и Камы. СПб.: Тип. «Т-ва Художественной Печати», 1901 (МАР; № 25). 119 с.
- Спицын, 1902 — *Спицын А. А.* Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1902 (МАР; № 26). 70 с.
- Спицын, 1906 — *Спицын А. А.* Шаманские изображения // Записки Отделения русской и славянской археологии Имп. Русского археологического общества. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1906. Т. VIII. Вып. 1. С. 29–145.
- Станкевич, 1947 — *Станкевич Я. В.* Курганы Юго-Восточного Приладожья и Карело-Финской ССР // Археологический сборник. Петрозаводск: Гос. Изд-во Карело-Финской ССР. С. 94–110.
- Степанов и др., 2009 — *Степанов А. М., Павлов Г. Ю., Шуреев А. В., Тянина Е. А., Покровская Л. В.* Исследования на Борисоглебском раскопе в Великом Новгороде // НиНЗИИА. Великий Новгород: Виконт, 2009. Вып. 23. С. 62–79.
- Степанова, 2011 — *Степанова Ю. В.* Шумящие украшения мерянского типа на территории Верхневолжья // Женская традиционная культура и костюм в эпоху средневековья и новое время. М.; СПб.: Альянс Архео, 2011. С. 79–89.
- Тыниссон, 1984 — *Тыниссон Э.* Некоторые вопросы идеологии и этнические традиции в Эстонии в XI–XIII вв. (по материалам городища Лыхавере) // Новое в археологии СССР и Финляндии: Доклады третьего советско-финского симпозиума по вопросам археологии (11–15 мая, 1981 г.). Л.: Наука, Лен. Отд., 1984. С. 181–187.
- Финно-угры и балты..., 1987 — Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука, 1987 (Археология СССР). 512 с.
- Фролов и др., 1995 — *Фролов А. А., Меснянкина С. В., Торопов С. Е.* Некоторые итоги археологических исследований в районе дд. Заручевье — Бор (Окуловский район Новгородской области) // НиНЗИИА. Новгород: НМЗ, 1995. Вып. 9. С. 71–82.
- Фролов, 1999 — *Фролов А. А.* Раскопки древнерусского поселения Бор IV в 1998 г. // НиНЗИИА. Новгород: НМЗ, 1999. Вып. 13. С. 24–32.
- Чернецов, 1957 — *Чернецов В. Н.* Древняя история Нижнего Приобья. М.: Изд-во АН, 1957 (МИА; № 35). 238 с.
- Янин и др., 2006 — *Янин В. Л., Хорошев А. С., Рыбина Е. А., Сорокин А. Н., Степанов А. М., Покровская Л. В.* Работы в Людином конце Великого Новгорода (Троицкие XIII и XIV раскопы) // НиНЗИИА. Великий Новгород: НМЗ, 2006. Вып. 20. С. 5–14.
- Янин и др., 2013 — *Янин В. Л., Рыбина Е. А., Степанов А. М., Покровская Л. В., Сингх В. К., Тянина Е. А.* Работы в Людином конце Новгорода в 2012 году (Троицкий раскоп XIII, участки Г и Г-1) // НиНЗИИА. Великий Новгород: НМЗ, 2013. Вып. 27. С. 12–19.

- Ястребов*, 1893 — *Ястребов В. Н.* Лядинский и Томниковский могильники Тамбовской губернии СПб.: Тип. Н. И. Скороходова, 1893 (МАР; № 10). 63 с.
- Aspelin*, 1877–1878 — *Aspelin J. R.* Antiquités du Nord Finno-Ougrien. II. L'Age Du Fer. Helsingfors: G.W. Edlund, 1877–1878. 396 s.
- Goldina*, *Goldina*, 2018 — *Goldina E., Goldina R.* Estonian Journal of Archaeology. 2018. 22, 2, P. 163–180.
- Kivikoski*, 1973 — *Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki: Weilin+Göös AB OY, 1973. 150 s., 147 taf.
- Selirand*, 1974 — *Selirand J.* Eestlaste matmis-kombed varafeodaal-sete suhete tärkamise perioodil (11–13 sajand.). Tallinn: Eesti Raamat, 1974. 376 s.
- Serning*, 1956 — *Serning I.* Lapska offerplatsfynd från järnålder och medeltid i de svenska Lappmarkerna. Stockholm: Almqvist & Wiksells Boktryckeri AB, 1956. 222 s.
- Tallgren*, 1931 — *Tallgren A.M.* Biarmia // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1931. №. 6. P. 100–120.
- Tomanterä*, 1991 — *Tomanterä L.* Wachsfiligran // Fennoscandia archaeologica. 1991. VIII. P. 35–49.
- Tönnisson*, 1974 — *Tönnisson E.* Die Gauja-Liven und ihre materielle Kultur: II. Jh. Anfang 13. Jhs. Tallinn: Eesti Raamat, 1974. 209 s.

Mediaeval jewellery from the Volga-Kama area in the East-Baltic region

V. N. Kuznetsova, I. V. Stasyuk

Decorations made from nonferrous metals have, as a rule, regional specifics. They are often considered in historiography as 'ethnic markers'. However the finds from sites of northern and eastern Baltia demonstrate that, in the 9th–13th century, the ornaments, sometime provenient from very remote regions and belonging to a foreign culture, were included into the composition of the local set of decorations and were neighbouring with the local kinds of ornaments. In particular, objects characteristic of the Volga-Ural region are distinguishable. These include Kama imports (zoomorphic plastics, pendants-riders, a crutch with the figure of a hare), Volga imports ('openwork' zoomorphic ornaments, round brooches, diverse objects decorated with volutes and 'plaits', pendants in the form of relief horizontal pipes with appended paws or little bells), as well as objects characteristic of the Volga-Kama region in general (pendants of conical, arched, triangular or globular shape with rattling appendages). In the 12th–13th century, a convergence is observed between the artistic traditions of the Volga-Kama area, north-western Rus' and the Baltics which was expressed in the appearance of a group of syncretic objects combining the figurative motifs and jewellery techniques of the mentioned regions. These finds include needle cases with arched openwork backs, some variants of arched pendants with rattling appendages and round brooches. The present authors have examined 128 objects of the 9th–13th century with the provenience related directly or indirectly with the Volga-Kama region. The geography of the Baltic finds of Volga-Kama imports and syncretic objects is fairly expansive but two centres of their concentration are distinctly distinguishable: kurgans of the south-eastern Ladoga region and Novgorod; moreover, finds of the earliest age are characteristic of the Ladoga area, while in the urban strata of Novgorod, predominantly objects of the advanced Old-Russian period are concentrated. Staraya Ladoga can be considered as the third centre, which is although of less importance but also remarkable one.